

режим и судьба двух славистов”. Нельзя не согласиться с автором, оценившим сложившиеся между коллегами взаимоотношения как яркий пример научного общения через искусственно созданные границы, которые были воздвигнуты между СССР и зарубежными странами.

В книге имеется несколько приложений. Из них стоит выделить важную теоретическую статью Г.А. Ильинского “Что такое славянская филология?”, определяющую круг вопросов, которыми, по мнению Ильинского, должно заниматься славяноведение, применяемые этой

дисциплиной методы исследования, кратко характеризующую этапы ее возникновения и развития. Несомненно, интерес вызовет и библиография работ сотрудников Отдела восточного славянства по проблеме “История отечественного славяноведения, 1917 – начало 1950-х годов”.

В целом работа А.Н. Горяинова является ценным научным вкладом в историю славяноведения.

Ф.А. Молок,
кандидат исторических наук

В.Е. Кельнер. МИССИОНЕР ИСТОРИИ. Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб.: Издательский дом “МІРЪ”, 2008, 710 с.

Архитекторами еврейской истории принято считать немецко-еврейского историка Г. Греца (1817–1891), русско-еврейского С. Дубнова (1860–1941) и трудившегося многие годы в США С. Барона (1895–1989). Фигура Дубнова на протяжении многих лет привлекает внимание историков и публицистов. Дубнов – автор многотомного монументального труда “Всемирная история еврейского народа”, опубликованный впервые в немецком переводе (Берлин, 1925–1929), затем на иврите в 1923–1938 гг. Полное издание в подлиннике на русском языке вышло в Риге в 1934–1938 гг. Это издание давно стало библиографической редкостью. В настоящее время в Москве вышло в свет новое издание его “Всемирной истории”¹.

Дубнов – выдающийся мыслитель еврейской общины, создатель русско-еврейской историографии, теоретик диаспорального еврейского национализма, общественный деятель, политик и мемуарист. Его жизнь и гибель в огне Холокоста стала одним из символов трагедии восточноевропейского еврейства.

Творческое и эпистолярное наследие Дубнова огромно, оно находится в архивах разных стран: в Российском государственном историческом архиве, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге; Центральном Государственном архиве

РФ и Архиве Академии наук РФ в Москве; в Библиотеке Академии наук Украины им. В.И. Вернадского в Киеве; в Центральном архиве истории еврейского народа и Отделе рукописей Библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме; Институте еврейских научных исследований в Нью-Йорке. Эти источники, как и труды Дубнова, написаны на различных языках: русском, немецком, иврите, английском. Историк написал три тома воспоминаний – “Книгу жизни”, в которые вошли и обширные фрагменты дневников ученого². Воспоминания и дневники обладают необыкновенной силой интеллектуального, нравственного и эмоционального воздействия на читателя.

В.Е. Кельнер смог представить свое прочтение биографии историка и его трудов. В ходе работы В.Е. Кельнер приходит к пониманию своих возможностей, о чем и сообщает читателю: “одному исследователю не под силу освоить весь комплекс источников, осмыслить во всей полноте и многообразии историю становления и эволюции его (Дубнова. – *А.Л.*) научных и политических взглядов” (с. 25). В результате В.Е. Кельнер сосредоточился главным образом на “российских” аспектах деятельности Дубнова, попытался осветить его путь как историка российского еврейства, публициста и общественного деятеля.

“Научная биография С.М. Дубнова может быть создана только в результате всеобъем-

¹ Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа. От французской революции до наших дней, т. 1–3. М., 2002; История евреев в Европе. От начала их поселения до конца XVIII в., т. 1–4. М., 2003; История еврейского народа на Востоке, т. 1–3. М., 2006.

² Дубнов С.М. Книга жизни. Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. СПб., 1998.

лющего критического анализа самого широкого круга источников, от его собственных произведений до документов и материалов альтернативного характера. Все это в совокупности и позволяет объективно воссоздать и оценить многогранную деятельность этого великого ученого и политика”, – отмечает автор (с. 11–12).

В историографии остается открытым вопрос, поставленный израильским историком А. Гринбаумом – вопрос о том, что Дубнов так никогда не реализовал свое намерение: не написал “opus magnum”³, посвященный истории польско-русского еврейства⁴. Кельнер не согласен с этим мнением (с. 7). Но некоторые высказывания самого Дубнова позволяют думать иначе. В 1900 г. сорокалетний Дубнов составил план работы на последующие годы жизни. В 1906 г. он намеривался приступить к своему, как он писал, “последнему труду” – “Истории русских евреев”, работе над которым он хотел посвятить четверть века своей жизни. Этот замысел фактически осуществлен не был.

Книга состоит из введения, восьми глав и заключения. В нее вошла так же “Хроника жизни и деятельности” Дубнова. Интересна первая глава монографии “Корни”, где Кельнер касается генеалогического описания рода Дубновых, возведя его к средневековому талмудисту, известному под акронимом Магарал из Праги (1512–1609). Любопытно, что сам Дубнов в воспоминаниях ни словом не обмолвился о знаменитом предке. В еврейскую, а позднее в европейскую литературу тот вошел, прежде всего, как легендарный создатель Голема. Дубнов в “Книге жизни” начал представление своей родословной со времен, когда в состав Российской империи вошли земли Речи Посполитой. Отвечая на вопрос о том, чем было вызвано подобное “пренебрежение”, Кельнер пишет: “Сомнительно, чтобы семейное предание не сохранило имя этого великого предка”. Он предполагает, что “не имея доказательств, Дубнов как ученый не желал уподобляться тем... которые смело возводили свое происхождение к святым мученикам средневековья, великим раввинам, талмудистам” (с. 26–27). Представляя историю идейного формирования юного Дубнова, его отношения к еврейской ортодоксальной традиции, говоря о литературе, которая повлияла на мирозерцание Дубнова и на тысячи других еврейских юношей и девушек, Кельнер считает, что “невозможно дать объективный ответ

на один из коренных вопросов еврейской истории в России конца XIX – начала XX вв.: почему значительная часть еврейской молодежи пренебрегла национальными интересами и ушла в русское революционное движение” (с. 56). Однако разные ответы на этот вопрос можно найти и в многочисленной мемуарной и исследовательской литературе. Отметим, что в молодые годы Дубнова в России еще не существовало еврейское национальное движение. Именно участие в русском народническом движении открывало возможность выразить свое неприятие существующих порядков и для еврейской молодежи. Возникшие в начале 1880-х гг. палестинофильские общества были маргинальны и не они определяли погоду среди русско-еврейской интеллигенции. Как верно отмечает Кельнер, немалая часть еврейской молодежи стремилась интегрироваться в российское общество путем получения высшего образования и соответствующей квалификации⁵.

Обширная вторая глава посвящена десятилетнему периоду в жизни Дубнова: от приезда в Санкт-Петербург летом 1880 г. до переезда в Одессу осенью 1890 г. Оказавшись в столице Российской империи, провинциальный юноша из Мстиславля, не имевший права жительства вне черты оседлости, успешно начинает публицистическую карьеру. Он за несколько лет становится известным автором русско-еврейских изданий, которые в то время выходили в Санкт-Петербурге: “Рассвет”, “Русский еврей”, “Восход”. Дубнов пишет на историко-философские и политические темы, главным образом по резко обострившемуся еврейскому вопросу. В те же годы Дубнов начал исследование истории еврейского мистического движения – хасидизма, опубликовал статьи и по истории лжемессинства. В.Е. Кельнер анализирует литературную деятельность своего героя в контексте эпохи и представляет литературно-издательскую среду, в которой оказался Дубнов. “К концу 1880-х гг. Дубнов стал известным, признанным историком, публицистом и критиком” (с. 184).

Жизненный и творческий опыт, приобретенный в этот период, подготовил Дубнова к осознанию своего предназначения в этом мире. В начале 1892 г. Дубнов записал в дневнике: “Моя цель жизни выяснилась: распространение исторических знаний о еврействе и специальная разработка истории русских евреев. Я стал как бы миссионером истории”⁶. Эти слова он написал уже в Одессе. Странно, что цитата из дневника ученого не вошла в

³ “Большой труд” – лат.

⁴ *Greenbaum A. Dubnov as Russian and General Jewish Historian. – A Missionary for History. Essays in Honor of Simon Dubnov. Minneapolis, 1998, p. 1.*

⁵ *Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007.*

⁶ *Дубнов С.М. Книга жизни, с. 165.*

основной текст. Ведь собственно она и была вынесена В.Е. Кельнером в название его книги.

Одесскому периоду в жизни Дубнова (1890–1903) посвящены третья и четвертая главы. Дубнов обратился с призывом к еврейской общественности начать изучение истории русских евреев, сформулировал основные положения своей исторической концепции, начал работу над “Письмами о старом и новом еврействе”, обосновавшим идею еврейской автономии в диаспоре. Как отмечает В.Е. Кельнер, историзм Дубнов “провозгласил национальной идеей. Автономизм, истоки которого ученый находил в исторической традиции еврейского общинного самоуправления, он сделал идеологией борьбы народа в диаспоре за гражданское и политическое полноправие” (с. 321).

Пятая глава “На идейных баррикадах” представляет Дубнова как политика, состоявшегося в канун революции 1905–1907 гг., создателя и идеолога Еврейской народной партии.

В последующих главах детально прослеживается работа Дубнова над своей историографической концепцией, руководство “Еврейским историко-этнографическим обществом”, журналом “Еврейская старина”, его общественно-политическая деятельность, в частности участие Дубнова в “Комиссии для издания документов о ритуальных процессах в России” в 1919–1920 гг. Комиссия прекратила свое существование, как показывает автор, не из-за внутренних разногласий, а вследствие стремления новых большевистских властей взять под жесткий контроль деятельность всех еврейских организаций, в том числе и научных (с. 547). Седьмая глава книги завершается повествованием об эмиграции Дубнова и его жены Иды из большевистской России в апреле 1922 г. Завершающая глава “В европейских сумерках” посвящена последним годам жизни ученого, его трудам и дням в европейских странах: Литве, Германии и, наконец, в Латвии, где он обрел мученическую смерть и научное бессмертие.

Одним из достоинств работы Кельнера стала реконструкция отношений Дубнова с его людьми, на разных периодах жизни окружавших ученого и публициста. Автор воссоздает не только основные вехи биографии Дубнова, но и атмосферу эпохи.

Дубнов не принял власть большевиков и приложил немало усилий, чтобы покинуть Советскую Россию. Точно так же, как в 1922 г. он оставил большевистский Петроград, в 1933 г. после прихода к власти в Германии нацистов он вынужден был покинуть Берлин. Он переехал в независимую Латвию. Имя американскую визу, уже во время вторжения нацистов

в Польшу, Дубнов принял решение остаться в Риге. Американским друзьям он сообщил, что “поездка за океан более опасна для моего душевного равновесия, чем пребывание здесь... балтийские нейтральные страны могут пока быть более спокойными, чем другие” (с. 645). Однако через несколько месяцев Советский Союз присоединил страны Балтии, а через год войска вермахта вошли в Ригу. Немало биографов Дубнова, в их числе и Кельнер, задавали себе вопрос: почему Дубнов не уехал ни в Америку, ни в Палестину? Традиционный ответ гласит: “он остался... со своим народом” (с. 647). Однако, скорее всего, на сей раз чувство прозорливости изменило восьмидесятилетнему ученому. Он оказался заложником своей теории о “вечном народе”. Историк не пророк. Его взоры обращены в прошлое. Личная трагедия Дубнова была и трагедией европейского еврейства, истории которого он посвятил всю жизнь. Именно в этом, высоком, смысле Дубнов остался со своим народом.

В работу В.Е. Кельнера, к сожалению, вкрались отдельные неточности и ошибки. Например, сообщая о гибели зятя Дубнова – мужа Софьи Дубновой-Эрлих, одного из руководителей польского Бунда Генриха Эрлиха автор пишет, что он погиб “декабре 1941 г. в тюрьме г. Куйбышева” (сн. 166, с. 644). Это мнение, бытовавшее в литературе, опирается на ноту МИД СССР о казни Эрлиха и Альтера за “систематическую предательскую деятельность, призывая войска прекратить кровопролитие и немедленно заключить мир с фашистской Германией”. Однако публикация рассекреченных архивных документов НКВД свидетельствует, что Эрлих покончил с собой 14 мая 1942 г. в Куйбышевской тюрьме⁷.

Академический анализ творчества “миссионера истории”, несомненно, требует определить место Дубнова и его научного наследия в современной историографии. Дубнов был первым, кто написал с научных позиций об истории возникновения и развития хасидизма. После него к этой важнейшей теме еврейской истории XVIII–XIX вв. обращались многие исследователи: Г. Шодем, Б. Динур, И. Вайс, Я. Кац, А. Раппопорт-Альберт, И. Эткес, М. Росман и другие. Однако автор вывел за рамки своей книги вопрос, насколько восприняты современной еврейской историографией взгляды Дубнова на хасидизм, как впрочем и на все иные темы, которых Дубнов касался как исследователь. Выводы Дубнова о хасидизме, лжемессианстве, еврейском самоуправлении в Речи Посполитой, причинах и инициаторах

⁷ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. М., 1996, с. 25.

погромов в Российской империи в современной историографии во многом опираются на новые источники и подвергнуты серьезной переоценке.

Труд В.Е. Кельнера – плод многолетнего научного поиска. Еще несколько лет назад такая книга вряд ли мы могла быть написана.

Эта работа – свидетельство успехов возрождающейся российской иудаики.

А.Е. Локишин,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Г.Д. Шкундин. РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ! ВОПРОС О СЕПАРАТНОМ МИРЕ С БОЛГАРИЕЙ В ПОЛИТИКЕ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ (октябрь 1915 – март 1916 г.). София: “М. Дринов”, 2007, 180 с.

В книге Г.Д. Шкундина исследуется хронологический период с 14 октября 1915 г. (с момента вступления Болгарии в мировую войну) и до марта 1916 г., когда на совещаниях союзников в Шантильи и конференции в Париже было выработано отрицательное отношение коалиции к возможности заключения сепаратного мира с Болгарией. Работа написана в научно-объективном ключе на широком круге опубликованных и неопубликованных отечественных и иностранных источников.

Автор использовал не только материалы официальной дипломатии, но и, как он ее называет, “параллельной”, то есть отношение к проблеме общественного мнения разных стран, споры, которые велись вокруг нее как политическими элитами разных стран, так и внутри этих самых элит представителями разных ведомств. Субъективные нюансы механизма принятия важных внешнеполитических решений являются полноправной составляющей его исследования.

Г.Д. Шкундин показал участие так называемой неофициальной дипломатии в определении позиций стран в отношении Болгарии. Работа это непростая, зачастую неблагодарная, ибо в любом случае результат страдает фрагментарностью. Проследить воздействие на умы политиков мнений, записок, сведений, преподанных в журналистских статьях или меморандумах военных, чаще всего невозможно.

Между тем и период, избранный автором для исследования, полон проблем и противоречий. С одной стороны, в Болгарии традиционно были сильны прорусские настроения, еще жива была благодарная память об освобождении от многовекового османского ига, принсенная на русских штыках. С другой, в стране, и прежде всего, в правящей элите, после поражения в Балканских войнах были

сильны реваншистские надежды на восстановление Сан-Стефанской Болгарии, мечты об установлении гегемонии Софии во всей Юго-Восточной Европе. Во главе Болгарии стоял царь Фердинанд из Саксен-Кобургской-Готской династии, субъективно стремившийся к “восстановлению Византийской империи под его скипетром” (с. 13) и укреплению в стране германского влияния. Автор дифференцирует претензии монарха, степень их осуществимости, отношение к ним болгарской элиты. Говоря о том, что “экстремистские амбиции монарха не разделялись даже самыми авантюристическими болгарскими политиками”, он считает, тем не менее, что “данные химеры были не отвлеченной мечтой, а целью” царя и в общем виде его “гегемонистские устремления разделялись значительной частью буржуазии и офицерства” (с. 13).

Г.Д. Шкундин акцентировал внимание на том, что с самого начала мировой войны противоборствующие группировки (Антанта и Центральные державы) продолжили начатую еще в предвоенные годы дипломатическую борьбу за привлечение Болгарии на свою сторону в качестве союзника. Значимость ее для противоборствующих сторон историк видит не в эвентуальной роли ее сравнительно небольшой армии, а в геополитическом положении страны. Он подчеркнул, что вступление ее в войну на стороне Центральных держав в конечном счете позволило Германии “объединить в сплошной массив... огромную территорию от Ла-Манша до Персидского залива и подчинить своему контролю все экономические ресурсы этого гигантского региона” (с. 38). Впрочем, тезис об экономических преимуществах, которые получил Берлин в этом случае, на наш взгляд, требует большей конкретизации.

Дипломаты стран Антанты, вступая в борьбу за Болгарию, оказались в заведомо нерав-